

*К 50-летию выхода в свет статьи
А. А. Зализняка «Морфонологическая
классификация древнеиндийских
глагольных корней»*

Краткие заметки о санскритских чередованиях и о преподавании санскрита

Л. И. Куликов

Гентский университет (Гент, Бельгия);
Католический университет Лувена (Лувен-ла-Нёв, Бельгия);
kulikovli@googlemail.com; ORCID: 0000-0002-7825-4866

Аннотация. Данная статья посвящена системе трехступенчатых чередований гласных в санскрите «нулевая/полная (гуна)/продленная (вриддхи) ступень». Показано, что наиболее полное и в то же время компактное описание этой системы предложено в статье А. А. Зализняка о морфонологии древнеиндийского глагола [1975]. Предлагаются некоторые уточнения к этой системе, в частности, в описании нулевой ступени корней на долгий сонант в безударной позиции. Целесообразность использования этой системы в преподавании санскрита ставится под сомнение в статье Е. А. Десницкой «Преподавание санскрита в современной России» [2020]. В данной работе показаны преимущества описания системы чередований по А. А. Зализняку.

Ключевые слова: глагольная система, индоевропейский аблаут, морфонология, трехступенчатые чередования, преподавание санскрита, санскрит

Благодарности. Пользуюсь случаем поблагодарить А. Выдрину, А. Кейдана и А. Лубоцкого за комментарии и замечания к данной статье. Данное исследование было поддержано исследовательским грантом FWO G004121N.

Для цитирования: Куликов Л. И. Краткие заметки о санскритских чередованиях и о преподавании санскрита // Индоиранские языки. 2025. 1 (2). С. 105–129.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.4

Brief notes on Sanskrit alternations and on teaching Sanskrit

Leonid I. Kulikov

Ghent University (Ghent, Belgium);

Université catholique de Louvain (Louvain-la-Neuve, Belgium);

kulikovli@googlemail.com; ORCID: 0000-0002-7825-4866

Abstract. This article focuses on the system of tripartite vowel alternations in Sanskrit “zero grade / full grade (*guṇa*) / long grade (*vr̥ddhi*)”, going back to Proto-Indo-European ablaut and representing one of the cornerstones of the entire grammatical system of Sanskrit. I argue that the most exhaustive and at the same time compact description of this system is offered in the article by A. A. Zaliznyak on the morphophonology of Old Indian verbal roots [1975]. I propose some corrections to this system, in particular, in the description of the zero grade of roots ending in a long sonant (*-r*, *-m*) in the unaccented position, where the long vowel is shortened (*īr/ūr* → *ir/ur*, *ām* → *am*). Another addition is proposed for the zero grade of the roots in long *ī*, which often exhibit *iy* (not written in standard transliteration, but detectable in metrical texts: *iḃ*) before a vowel: always in the accented position in the earliest parts of the R̥gveda and sporadically without accent. A few minor changes in the rules of selection of zero grade variants may be necessary if we add to the general system of rules compiled for only verbal roots rules for auxiliary morphemes (primarily suffixes). I also focus on the importance of ablaut alternations for the successful learning of Sanskrit and demonstrate the benefits of using Zaliznyak’s system in teaching. Furthermore, I briefly discuss some other aspects of teaching Sanskrit, such as the advantages and shortcomings of some handbooks of Sanskrit.

Keywords: ablaut, Indo-European morphophonology, tripartite alternations, verbal system, Sanskrit, teaching Sanskrit

Acknowledgements. I would like to thank Artemij Keidan, Alexander Lubotsky and Arseniy Vydrin for their comments and remarks on earlier drafts of this paper. This research was generously supported by FWO research grant G004121N.

For citation: Kulikov L. I. Brief notes on Sanskrit alternations and on teaching Sanskrit. *Indo-Iranian languages*. 2025. 1 (2) P. 105–129.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.4

Рассуждай токмо о том, о чем понятия твои тебе сие дозволяют. Так: не зная законов языка ирокезского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо?

Козьма Прутков.
«Плоды раздумья». Мысли и афоризмы

1. Предварительные замечания

Предмет данной статьи — система чередований древнеиндийского языка (а не индийских языков — как можно было бы заключить из эпиграфа)¹. Санскритские чередования, связанные с индоевропейским аблаутом, о которых пойдет речь в основной части статьи, — один из краеугольных камней фундамента санскритской грамматики, адекватное понимание которого является исключительно важным для изучения любых аспектов этого древнего индоевропейского языка, занимающего одно из центральных мест в развитии современной лингвистики. В 2025 г. исполняется 50 лет со дня публикации одной из самых ярких и значительных работ по санскритской морфологии — статьи Андрея Анатольевича Зализняка «Морфонологическая классификация древнеиндийских глагольных корней» [Зализняк 1975], и поныне остающейся непревзойденным образцом компактного и исключительно изящного описания системы чередований в санскрите. Этот юбилей стал

¹ Впрочем, именно ирокезские языки (и языки американских индейцев в целом) заслуживают упоминания в контексте дискуссии об индоевропейских чередованиях по аблауту — и в этом смысле выбор эпиграфа для данной статьи не случаен. В классической работе У. Л. Чейфа [Chafe 1964: 860] отмечается поразительное сходство чередования *e/a* в корнях ирокезского языка сенека (например, ступень *a* появляется перед каузативным суффиксом *-t-*) с индоевропейским аблаутом *e/o*. Сходные чередования отмечены во многих америндских языках, в частности практически во всех сиуанских [Mirzayan 2024: 1467–1469], например в лакота и виннебаго [Lipkind 1945: 6–8; Chafe 1964: 860], что позволило Чейфу предполагать существование этого чередования уже в прасиу-ирокезском (существование которого, впрочем, не является доказанным); для алгонкинского языка оджибве похожее на аблаут чередование отмечал еще раньше К. К. Уленбек [Uhlenbeck 1909: 36–37; Genée 2003: 153].

одним из поводов обратиться к указанной проблематике и снова взглянуть на материал, обсуждавшийся А. А. Зализняком.

Вторым поводом к написанию этого текста послужила опубликованная в журнале «Asiatica» (том 14, № 2 за 2020 г.) статья кандидата философских наук (2009), выпускницы Восточного факультета СПбГУ Е. А. Десницкой [2020], затрагивающая весьма интересную, но скорее периферийную для данных заметок тему — преподавание санскрита. Объединить эти два сюжета в рамках одной статьи позволило хотя и беглое, но в известном смысле чрезвычайно симптоматичное обращение Е. А. Десницкой к материалу санскритских чередований, которое дает основания вернуться спустя полвека к материалу, блестяще проанализированному А. А. Зализняком в статье 1975 г.

2. О статье [Десницкая 2020]: общие замечания

Не претендуя на подробный критический разбор статьи [Десницкая 2020], замечу, что она оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, автор предлагает вполне содержательный обзор истории изучения и преподавания санскрита в России, указывающий на исторические корни многих сегодняшних проблем в этой области.

С другой стороны, ряд высказываний автора вызывают некоторое недоумение. Так, уже во втором абзаце мы читаем, что «феномен санскрита как классического языка индийской духовной культуры плохо вписывался в господствующую идеологию, поэтому изучение санскрита нуждалось в апологии» [Десницкая 2020: 210]. Мне, пожалуй, не приходилось слышать о каких-либо конфликтах между господствовавшей в Советском Союзе идеологией (очевидно, марксистско-ленинской?) и санскритом как таковым (или даже, в более широкой перспективе, санскритом в роли «классического языка индийской духовной культуры»). Кроме того, не вполне понятно, что автор подразумевает под «апологией». Если понимать под этим термином (например, вслед за словарем под редакцией Д. Н. Ушакова [Ушаков 1935: стлб. 49]) защиту или оправдание², тогда то же можно сказать о любой преподаваемой дисциплине. Иными сло-

² А не «неумеренное восхваление» или «предвзятую защиту», как толкует это слово Большой академический словарь русского языка [БАС: 238] — рискну предположить, что автор имел в виду не это значение.

вами, любой преподаватель должен уметь внятно объяснить, зачем студентам данной специальности нужен данный предмет. В этом смысле можно говорить, что включение санскрита — как и любой другой дисциплины — в учебную программу требует обоснования («апологии») в любом университете мира.

Разумеется, изучение религий Индии (буддизма, индуизма), Вед и мифологии до известной степени было ограничено рамками дозволенного советской идеологией, но на изучение санскрита как такового³ никто как будто бы — даже в самые мрачные времена — не накладывал запрет, см., например, вполне разумное упоминание санскрита даже в антологии публикаций Н. Я. Марра, составленной В. Б. Аптекарем [Марр 1933: 71, 81, 146], а также мемуарные заметки Е. А. Земской [Земская 2008: 135, 137] и [Обсуждение 2022: 152–153]⁴.

Точно так же вызывает недоумение высказывание автора об «общей маргинализации востоковедения в СССР». Возможно, не все аспекты востоковедения были одинаково хорошо представлены в программах высших учебных заведений и научных планах академических институтов, но я не уверен, что есть основания говорить о какой-то особой «маргинализации востоковедения» в Советском Союзе — эта область была не более, а может быть, и менее маргинализована в СССР, чем в других странах мира⁵.

³ Я говорю о вполне традиционном изучении языка — его грамматической структуры (фонетики и фонологии, морфологии, синтаксиса) и лексики (словаря) — очевидно, так мы изучаем любой язык, мертвый или современный, будь то английский, санскрит, нидерландский или латынь. Возможно, автор статьи настаивает на изучении именно «феномена санскрита как классического языка индийской духовной культуры» (а не просто санскрита или санскритской грамматики) — однако остается непонятным, в чем должно заключаться такое «феноменологически ориентированное» обучение.

⁴ Впрочем, во времена господства марризма могло потребоваться формальное подтверждение лояльности марровскому учению о языке, как вспоминает, в частности, Н. Н. Казанский: «Т. Я. Елизаренкова мне рассказывала, что ее специально допрашивали: с точки ли зрения марризма М. Н. Петерсон излагает литовскую и санскритскую грамматику, и она подтвердила, что грамматика излагается только по Марру», см. [Обсуждение 2022: 153].

⁵ Например, если взять в качестве показателя круг преподававшихся в университетах и институтах типа МГИМО восточных языков, для одной только Индии (с Шри-Ланкой) мы насчитаем около десятка языков, по которым набирались учебные группы (санскрит, хинди, урду, бенгали, маратхи, сингальский,

Как вводная часть, так и заключительный раздел («Преподавание санскрита в современной России: проблемы и перспективы») статьи содержат ряд критических высказываний, направленных против дилетантизма в науке в преподавании гуманитарных дисциплин (в частности, санскрита), в первую очередь в том, что касается оценки нынешней ситуации с преподаванием санскрита. Отмечается, что распространение любительской лингвистики вообще (см. [Зализняк 2010; Полиниченко 2012; Волошина 2018]) и любительской санскритологии в частности приводит к лавинообразному размножению санскритских курсов самого разного — в основном весьма низкого — уровня, не в последнюю очередь способствующих распространению всевозможных мифов вокруг санскрита, древней Индии и т. д., что весьма прискорбно — и с этим трудно не согласиться. Эта часть обзора носит тем не менее довольно абстрактный характер, без указания конкретных имен, с критическими замечаниями в духе «если кто-то кое-где у нас порой...»⁶, так что читателю остается самому догадываться, кто, по мнению автора, относится к тем преподавателям санскрита и индологам-любителям, «уровень компетенции которых вызывает оправданные сомнения» и против которых нацелена авторская критика.

Имена появляются лишь в тот момент, когда автор переходит к оценке грамматик и учебников и предлагает обзор «учебных пособий для изучения санскрита на русском языке». К сожалению, критика Е. А. Десницкой становится предметной и конкретной (с библиографическими ссылками, именами и т. д.) именно тогда, когда автор вторгается в ту область, в которой, по-видимому, не слишком хорошо разбирается.

панджаби, тамильский, телугу) — таким набором, кажется, не мог похвастаться ни один университет мира.

⁶ Например: «в последние годы все большую популярность приобретают курсы санскрита различного уровня и направленности, читаемые всем желающим в очной и онлайн формах. Преподаватели на таких курсах, как правило, не имеют востоковедного образования. В большинстве случаев они изучали санскрит самостоятельно либо под руководством других энтузиастов, и нередко их уровень владения предметом вызывает оправданные сомнения» [Десницкая 2020: 212]; «[л]юбители санскрита, уровень компетенции которых вызывает оправданные сомнения, благодаря активной саморекламе, достаточно широко представлены в медийной повестке и выдают себя за экспертов» [Там же: 218–219].

3. Лингвистические наблюдения в статье [Десницкая 2020] и система чередования гласных

Я не собираюсь обсуждать сравнительно мелкие непоследовательности и логические неувязки в лингвистических рассуждениях Е. А. Десницкой⁷. Остановлюсь лишь на одном — но весьма показательном — «критическом» высказывании, свидетельствующем о непонимании (или незнании) некоторых базовых фактов санскритской грамматики и имеющем непосредственное отношение к основной теме данной статьи.

В обзоре русскоязычных учебников санскрита, в числе недостатков учебника В. А. Кочергиной [Кочергина 1956] автор называет «использование своеобразной трактовки чередования гласных в корнях, предложенной А. А. Зализняком в свете его теоретических построений об аблауте [Зализняк 1987: 810–812], но мало пригодной

⁷ Например, автор отмечает, что «[н]екоторые из учебников [на английском и других европейских языках] не слишком удобны для русскоязычного читателя, поскольку содержат избыточные для него объяснения особенностей флективного строя, в частности принципов изменения слов по падежам. Так, в известном учебнике Вальтера Маурера десятки страниц посвящены объяснению написания знаков в письме деванагари» [Десницкая 2020: 216]. С первым утверждением, пожалуй, можно согласиться — по крайней мере в отношении некоторых учебников; но какая логическая связь между первым и вторым предложениями в приведенной цитате? Санскрит (как и русский), безусловно, относится к языкам флективного строя, но при чем тут письмо деванагари?

Не вполне понятно, почему Е. А. Десницкая решила назвать в этом контексте лишь один учебник, Уолтера Морера (1921, Нью-Йорк — 2007, Гонолулу) (а не «Вальтера Маурера»: при транслитерации имени этого американского санскритолога необходимо, разумеется, следовать, правилам английской, а не немецкой орфографии). Речь идет о книге [Maurer 1995], несколько раз перепечатававшейся (в 2001 и 2004 гг.; в 2009 г., уже посмертно, вышло дополненное переиздание), которую, кстати, многие считают достаточно удачным учебником (в частности, по словам Э. Лейтана, этот учебник рекомендовал изучающим санскрит замечательный австрийский санскритолог Хлодвиг Верба); ср., например, краткий перечень учебников с оценками, впрочем, без подробного обсуждения, в [Лейтан 2011]. Помимо книги У. Морера, есть и другие западные учебники, которые могли бы быть упомянуты как неплохие пособия по изучению санскрита, например, Майкла Каулсона ([Coulson 1976] и многочисленные переиздания), Мадхава Дешпанде [Deshpande 1997/2007] или Сильвена Брока [Brosquet 2016/2023].

для использования в учебных целях» [Десницкая 2020: 215]. Прочитанный критический пассаж основан на целом ряде недопониманий и объясняется, очевидно, поверхностным знакомством Е. А. Десницкой с лингвистическим материалом и недостаточной компетентностью автора в обсуждаемом ею вопросе.

Прежде всего замечу, что В. А. Кочергина в своем учебнике, вышедшем в 1956 г., при всем желании не могла использовать «теоретические построения об аблауте» А. А. Зализняка — работы А. А. Зализняка по санскриту появятся лишь спустя 20 лет (!). Возможно, речь идет об изложении В. А. Кочергиной системы чередований в Занятии X [Кочергина 1956: 50–51] — действительно, весьма путаном и даже содержащем досадные ошибки⁸. К грамматическому очерку А. А. Зализняка, повторяю, это изложение никакого отношения не имеет⁹.

Более того, нет никакой «своеобразной трактовки чередования гласных в корнях, предложенной А. А. Зализняком в свете его теоретических построений об аблауте» (равно как и нет каких-то особых «теоретических построений [А. А. Зализняка] об¹⁰ аблауте»), а есть кристально ясное и исчерпывающе полное описание системы чередований гласных (А. А. Зализняк называет их «трехступенчатыми») в санскрите в грамматическом очерке [Зализняк 1978/1987]. Написать так о санскритских чередованиях «нулевая ступень / полная ступень, или *guṇa* / продленная ступень, или *vṛddhi*» типа *á-pa-pt-at* ‘упал, полетел’ / *pát-ati* ‘падает, летит’ / *pāt-áya-ti* ‘заставляет падать, лететь’ может только человек, который имеет весьма смутное представление не только об индоевропейском аблауте, но и о санскрит-

⁸ Например, имя действия *vṛddhi*- «возрастание, увеличение» названо «пассивным причастием от глагола *vardh*», в то время как на самом деле «пассивным причастием» (точнее было бы сказать «отглагольным прилагательным на *-ta*») является форма *vṛddha*- «возросший» (см., в частности, рецензию Р. П. МIRONА на учебник В. А. Кочергиной [МIRONА 1960]).

⁹ Могу лишь предположить, что в статье Е. А. Десницкой «наложились» две различные библиографические ссылки: словарь В. А. Кочергиной (первое издание в 1978 г.), в качестве приложения к которому был напечатан грамматический очерк А. А. Зализняка [Зализняк 1978/1987], и появившийся более чем за 20 лет до него учебник В. А. Кочергиной [Кочергина 1956].

¹⁰ Не уверен, что выражение «построения об аблауте» является грамматически правильным словосочетанием русского языка.

ской грамматике. В частности, следует подчеркнуть, что эта система чередований (попутно замечу: не только в корнях, но и в служебных морфемах, в первую очередь в суффиксах, см. примеры ниже) является прямым отражением, или историческим рефлексом, общеиндоевропейской системы чередований по аблауту.

В дополнение к процитированному в статье Е. А. Десницкой очерку грамматики [Зализняк 1978/1987], опубликованному как приложение к словарю В. А. Кочергиной, следует упомянуть также классическую статью [Зализняк 1975], которая хорошо проясняет некоторые нетривиальные моменты устройства санскритской системы чередований, в том числе и те, которые большинство учебников почти не затрагивают или упоминают лишь мимоходом (например, разграничение полноизменяемых и неполноизменяемых корней).

4. Трехступенчатые чередования гласных в санскрите по А. А. Зализняку [1975]

В связи со всем вышесказанным представляется уместным воспроизвести здесь описание системы трехступенчатых чередований в санскритских глагольных корнях с учетом вариантов ступеней, определяемых фонологическими контекстами, в том виде, в каком мы находим его в таблице в статье [Зализняк 1975: 64–65] (упрощенная версия этой таблицы помещена в грамматическом очерке А. А. Зализняка [Зализняк 1978/1987: 811–812]), с минимальными изменениями¹¹, сопроводив ее краткими комментариями и пояснениями и некоторыми мелкими уточнениями, накопившимися за полвека, прошедшие с момента публикации статьи [Зализняк 1975]¹². Стоит также подчеркнуть, что обсуждаемые ниже уточнения почти не затрагивают систему чередований в том виде, в каком она засвидетельствована в глагольных корнях в классическом санскрите, но либо касаются чередований в некорневых

¹¹ В частности, не приводится ряд L, представленный единственным корнем.

¹² Используются следующие обобщающие символы: V — гласный, C — согласный, T — шумный согласный, R — сонант, _X — в позиции перед X, X_ — в позиции после X, # — граница между словами.

морфемах, либо включают особенности наиболее архаичной разновидности санскрита — ведийского языка Ригведы (конец II тыс. до н. э.), что предполагает некоторое расширение по сравнению с областью, обсуждаемой в [Зализняк 1975].

5. Трехступенчатые чередования гласных в грамматической системе санскрита

Почему так важна эта система чередований? На ее основе — т. е. на чередовании нулевой, полной (гуна) и продленной (вриддхи) ступеней — строится вся санскритская грамматика. Без нее невозможны ни корректный анализ, ни тем более синтез любой санскритской формы. Без четкого понимания и освоения этой системы немислимо изучение санскрита. Не случайно изложение основ этой системы в некоторых учебниках начинается уже в первом уроке, сразу после описания фонологической системы — как, например, в солидном и в целом достаточно удачном учебнике [Brocquet 2016/2023: 26–28]. С каждым морфологическим образованием связана определенная ступень чередования. Например, нулевая ступень ожидается (или, иначе говоря, является грамматически регулярной) в отглагольных прилагательных с суффиксом *-ta- / -na-* (традиционно их называют пассивными причастиями прошедшего времени, “р.р.р.”): *kar (kṛ)* ‘делать’: *kṛ-tá-* ‘сделанный’; *ric* ‘оставлять’: *rik-tá-* ‘оставленный’; в деепричастиях (конвербах, абсолютивах) на *-tvā*: *kṛ-tvā* ‘сделав’, *rik-tvā* ‘оставив’. Полная ступень появляется, например, в презенсе I класса (*bhū* ‘становиться’: *bhāv-ati* ‘становится’; *jī* ‘побеждать’: *jáy-ati* ‘побеждает’), в инфинитиве на *-tum* (*kar (kṛ)*: *kár-tum*) и в основе будущего времени на *-sya-* (*ric*: *rék-ṣya-te*). Таким образом, информация об ожидаемой ступени является частью описания соответствующей формы (или группы форм) в грамматике.

6. Дополнения и уточнения к описанию чередований гласных по А. А. Зализняку

Перейдем теперь к обсуждению дополнений к приведенной выше таблице — немногочисленных, но тем более интересных.

6.1. Нулевая ступень рядов R_2 и M_2 : зависимость долготы гласного от ударения

Вероятно, самое серьезное уточнение касается левой клетки двух рядов с долгими сонантами (= корни типа *set*), $\bar{R}$ и $\bar{M}$ (R_2 и M_2)¹³, в контексте перед согласным. Хорошо известно, что стандартная манифестация нулевой ступени в этом случае содержит долгий гласный перед консонантным вариантом соответствующего сонанта ($\bar{V}R$): *īr* или *ūr* для $\bar{R}$ (R_2) (например, *jarⁱ* (*jṛ*) ‘стареть’: презенс IV класса *júryati* (RV) и *jíryati* (AV+), прилагательное *júr_iya-* ‘старый’; *darⁱ* (*dṛ*) ‘трескаться, ломать(ся)’: презенс IV класса *díryate* или *díryáte*, отглагольное прилагательное *dīrṇá-*; *parⁱ* (*pṛ*) ‘наполнять(ся)’: презенс IV класса *púryate* или *pūryáte*, отглагольное прилагательное *pūrṇá-*; *tarⁱ* (*tṛ*) ‘преодолевать, пересекать’: презенс IV класса *túrvati*; *túr_iya-* ‘преодоление, победа’, деепричастие (конверб) *vi-túr_iyā* ‘проникнув’ RV 10.68.3с) и *ām* для $\bar{M}$ (M_2), например, *śramⁱ* ‘трудиться, изнуряться’: презенс IV класса *śrámyati*, отглагольное прилагательное *śrāntá-*. Однако для обоих рядов есть исключения — морфологические образования с кратким гласным: $\bar{V}R$ вместо $\bar{V}R$, ср. *jarⁱ*: *ajuryá-* (прилагательное) ‘нестареющий’, PART.PF.ACT *jujurvān*; *tarⁱ*: 1PL.OPT.AOR *turyāma*, INF *turvāne* и т. д.

Как показал А. Лубоцкий [Lubotsky 1997], в случае ряда R_2 для фонологического контекста C_YV , где $Y = y, v$ (в праиндоевропейской реконструкции мы имеем дело с цепочкой $*CRHYV$), такого рода примеры не являются случайными исключениями, а объясняются специальным правилом:

$*\acute{r}H > \acute{ir}$ или $\acute{ur}$ | C_YV (*júr_iya-*, *túrvati*, *díryate*, *púryate*)

$*\acute{r}H > ir$ или ur | C_YV (*ajuryá-*, *turvāne*)

Иными словами, в контексте перед y или v , за которым следует гласный, долгота присутствует только под ударением¹⁴, а в иных случаях $\bar{i}/\bar{u}$ сокращается в i/u .

¹³ Я использую два типа обозначения: первый — принятый А. А. Зализняком, второй, альтернативный, с долготами вместо подстрочного индекса ₂ — как более мнемонический.

¹⁴ Речь идет, разумеется, о праиндоевропейском ударении, в основном сохранившемся в ведийском; в послеведийском (классическом) санскрите оно утрачивается.

Исключения из этого правила (типа 2SG.OPT.PF *-pupūr_iyāḥ* RV 5.6.9с: ударение ожидается на конечном слоге: **-pupūr_iyāḥ*) объясняются парадигматическими выравниваниями, морфологическими аналогиями и/или разного рода вторичными изменениями (например, *diryáte* и *pūryáte* с суффиксальным ударением в диалектах / традициях Атхарваведы, Майтраяни-Катхаки и Шатапатха-Брахманы; о ведийских диалектах см., в частности, [Kulikov 2012: 710–714; Куликов 2014]).

По всей видимости, аналогичное правило действует для ряда M_2 :

**ṛH > ām* | C_YV

**ṛH > am* | C_YV

Это правило объясняет в том числе примечательное различие в долготе корневого гласного между презенсами IV класса (с ударением на корне) и презентными пассивами (с ударением на суффиксе *-yá-*), образованными от корней M_2 , ср. *śāmyati* ‘успокаивается, умиротворяется’, *śrāmyati* ‘трудится, изнуруется’¹⁵ ~ *kramyáte* TS 1.7.6.2 ‘(шаг) делается’ (букв. ‘шагается’), *dhamyate* RV 10.135.7с ‘(во флейту) дуют’ (букв. ‘(флейта) дуется’); см. [Kulikov 2012: 126–127]. Общей для рядов R_2 и M_2 , по-видимому, является единая схема их манифестации в нулевой ступени перед *y* или *v*, следующая модели $\bar{V}R$ | $_y, v$. Очевидно, именно в такой цепочке из долгого гласного и сонанта в этой позиции происходило сокращение долготы в случае безударности.

6.2. Нулевая ступень рядов I_2 и U_2 перед гласным

Еще одно дополнение, требующееся в том случае, если учитывать материал не только классического, но и ведийского санскрита

¹⁵ К этому же классу может примыкать послеведийский медиальный презенс *bhrāmyate*, несколько раз засвидетельствованный в двух сравнительно поздних упанишадах, Майтраяни и Шветашватара. По крайней мере для некоторых контекстов возможен непассивный анализ (‘бродить, хаотично двигаться’), что позволяет поместить этот презенс в IV класс (что объясняет долготу в корне); хотя в некоторых случаях не исключена интерпретация как пассива, образованного от каузатива *bhrāmayati* и сохраняющего долготу в корне как в каузативной основе. Кроме того, не вполне ясен тип корня *bhram*⁽ⁱ⁾ — set [LIV: 94] или anit [EWAia II: 279]; см. [Kulikov 2012: 773–775].

та (и в первую очередь — его древнейшей разновидности, языка Ригведы), также касается нулевой ступени двух рядов с долгими сонантами, $\bar{I}$ (I_2) и $\bar{U}$ (U_2), в позиции перед гласным после одиночного ненадлежащего согласного (VC_V). В классическом санскрите единственно возможный в этом контексте вариант — у, в строгом соответствии со схемой А. А. Зализняка (варианты i_u и u_v появляются после цепочки из двух или более согласных и после одиночного начального согласного: CC_V, #C_V). В ведийском языке архаичного периода, известном нам по метрическим текстам Ригведы и Атхарваведы, ситуация несколько сложнее. В общем и целом, «вокализованные» варианты i_u и u_v применяются в большем количестве контекстов, однако традиционная нотация соответствующих форм в основном следует правилам классического санскрита, хотя и не всегда последовательно. Однако метрический текст, в котором количество слогов внутри пады (стихотворной строки), как правило, строго фиксировано и который тем самым показывает, как произносилась соответствующая форма в действительности, во многих случаях требует произношения i_u/u_v (в соответствии с принятой в настоящее время в санскритологии нотацией, где подстрочное i_u обозначает гласный, произносимый *metri causa* и в нарушение буквальной транслитерации). В языке Ригведы — древнейшего ведийского текста — действует правило об обязательном «восстановлении» (или, точнее, если формулировать это правило в диахронической перспективе, см. [Kuiper 1987; Lubotsky 1997: 150–151], — сохранении) гласного под основным ударением udātta (что видно по обозначаемому грависным акцентом нисходящему ударению svarita на последующем слоге), ср., например, в следующем примере из стиха размера гаятри, состоящего из трех восьмисложных строк: *áśya vratāni nādhr̥ṣe' rávamānasya dūdh_iyā* ‘Не покуситься на заветы этого / Паваманы злоумышленнику’ (перев. Т. Я. Елизаренковой) RV 9.53.3ab, в деванагари दूधर्चि (фактически *dūdh_iyā*, хотя обычно ударение на подстрочном гласном не ставится), косвенные падежи многочисленных имен на $\acute{i}$ / $\acute{u}$ (например, формы от основы *suprāv́i-* / *suprāv_iy-* ‘хорошо идущий к цели; ревностный’: ACC.SG *suprāv_iyām*, DAT.SG *suprāv_iyè* и т. д.). В безударной позиции этот гласный может утрачиваться, но в ранних частях Ригведы (фамильных мандалах)

формы с сохранением гласного еще встречаются достаточно часто. Так, от слабой основы перфекта *vīvy-* (корень *vyā*, *vī* ‘покрывать’) засвидетельствовано медиальное причастие *vīv_(i)yānā-*, один раз с сохранением *i* (*vīv_iyānā[h]* RV 1.130.4d) и один раз без *i* (*vīvyānāś* RV 5.29.4b), и форма 3SG.MED *vīvyé* (два раза, в обоих случаях без *i*; *vīvyé*).

От корня *vī* ‘следовать’ находим формы корневого презенса: медиальное причастие *v_iyānā-* (один раз) и формы с активной морфологией, в частности 3PL.IMPV *v_iyāntu* — почти всегда с сохранением *i* (из семи употреблений только раз *vyāntu*, в RV 7.19.6), сходным образом в активном причастии того же презенса (из шести только два раза *vyāntu*, оба в поздней первой мандале в строфе RV 1.127.5).

У сходного корня *dhī* ‘размышлять’ для засвидетельствованной два раза формы 3SG.MED один раз зафиксирован вариант с сохранением гласного (*dīdh_iye* RV 5.33.1a), а перфектное медиальное причастие *dīdh_iyāna-* почти всегда встречается с *i*у (13 раз), кроме одного случая *pra-dīdhyānā* (опять-таки в поздней первой мандале в RV 1.113.10d) в начальной позиции в паде.

Ситуация дополнительно осложняется тем, что стандартная нотация (в частности, версия падапатхи) не всегда последовательна и варьирует между написанием без сохранения гласного (ср. 3SG.MED.PF *dīdh_iye* RV 5.33.1a) и, реже, с сохранением гласного (ср. 3PL.ACT.PF *dīdhiyur* RV 10.40.10b).

6.3. Трехступенчатые чередования гласных в некорневых морфемах (суффиксах)

Наконец, важно также отметить, что область применения описанной в приведенной выше таблице схемы не ограничивается, разумеется, глагольными корнями и корнями вообще, а распространяется также на служебные морфемы — в первую очередь на суффиксы. В области именного словоизменения хорошей иллюстрацией является парадигма имен с основой на *-an-*, где все три ступени чередования засвидетельствованы для суффикса *-an-* (*-n/-a-*, *-an-*, *-ān-*): *rāj-an-* ‘царь’: DAT.SG *rāj-ñ-e* (нулевая ступень в позиции перед гласным); INS.PL *rāj-a-bhiḥ* (нулевая ступень в позиции между согласными); LOC.SG *rāj-an-i* (ведийская форма) или VOC.SG *rāj-an*

(полная ступень, или *guṇa*); ACC.SG *rāj-ān-am* (продленная ступень, или *vṛddhi*). Примером чередования в глагольной парадигме может служить презентный суффикс V класса *-nu-/-nv-/-no-/-nav-*, как, например, в спряжении глагола *kṛ* ‘делать’: 3SG.IND.MED *kṛ-**nu**-té*, 3PL.IND.ACT *kṛ-**nv**-ánti* (нулевая ступень в позиции перед согласным или гласным соответственно); 3SG.IND.ACT *kṛ-**no**-ti*, 1SG.SUBJ.ACT *kṛ-**nav**-āni* или 3SG.SUBJ.ACT *kṛ-**nav**-a-ti* (полная ступень в позиции перед согласным или гласным соответственно).

В связи с этим расширением применения таблицы следует также оговорить, что существуют небольшие отличия между контекстными правилами выбора манифестации ступени чередования для корней и для суффиксов. Так, нулевая ступень упомянутого выше презентного суффикса V класса в позиции перед гласным зависит также от левого контекста и может реализовываться 1) после корня, оканчивающегося на согласный: как *-nuv-* (т. е. так же, как предписывается таблицей чередований в глагольных корнях), ср. *āp* ‘достигать’: 3PL.ACT *āp-**nuv**-anti*; или 2) после корня, оканчивающегося на гласный: как *-nv-* (вариант нулевой ступени, не зафиксированный для корней), ср. *kṛ-**nv**-ánti*; *su* ‘выжимать’: 3PL.ACT *su-**nv**-ánti*. Интересно, что даже в тех сравнительно немногочисленных случаях, когда фонологический контекст для корня ряда U в нулевой ступени идентичен контексту манифестации нулевой ступени суффикса *-nv-* (т. е. глагольный корень оказывается между гласными: V_V), корень появляется в виде *-Cuv-*, а не *-Cv-*, ср. *nu* ‘реветь’: 3PL.ACT перфекта с интенсивной редупликацией *nonuvur* (в ведийском: RV 6.45.25; см. об этой форме [Kümmel 2000: 283]) и 3PL.ACT обычного перфекта *nunuvuḥ* (в классическом санскрите), но не ***nonvur*, ***nunvuh*; *lū* ‘резать’: формы перфекта 3DU.ACT *luluvatuḥ*, 2PL.MED *luluvidhve* (или *luluvidhve*, см. [Böhtlingk, Roth 1868 [PW 6]: 567]), но не ***lulvatuḥ*, ***lulvidhve*.

Очевидно, для описания такого рода различий при выборе варианта ступени чередования необходимо будет ввести в некоторых случаях параметр «тип морфемы» (корень/суффикс).

Тем не менее даже в таком, отредактированном и несколько «утяжеленном» виде, таблица трехступенчатых чередований по А. А. Зализняку остается шедевром компактности и элегантности.

7. Трехступенчатые чередования в грамматиках и в преподавании: заключительные замечания

В завершение этого краткого обсуждения замечу, что некоторые участки (клетки) этой таблицы вызывают определенные затруднения не только у начинающих изучать санскрит студентов, но и у профессиональных санскритологов, что может даже приводить к ошибочным формулировкам в грамматиках. Например, грамматика С. Сани [Sani 2012] характеризует ступень чередования *ām* для корней ряда $\bar{M}$ (M_2 = с долгим сонантом), типа *śam* ‘успокаивать(ся)’, *śram* ‘трудиться, изнуряться’, в морфологических образованиях, требующих нулевую ступень (т. е. в таких формах, как презенс IV класса *śrāmyati*), как продленную¹⁶. Это, разумеется, неверно: на самом деле мы имеем здесь дело с нулевой ступенью, регулярная манифестация которой для корней этого ряда — *ām*, см. выше (в отличие от ряда N_2 , где нулевая ступень — *ā*, ср., например, *jan* ‘рождать(ся)’: *jātā-* ‘рожденный, родившийся’), совпадающая таким образом с продленной ступенью (подробнее см. [Kulikov 2012: 5–6] и в рецензии на грамматику С. Сани [Kulikov 2017: 312])¹⁷.

Завершая свои заметки и возвращаясь к проблемам преподавания санскрита, отмечу, что в своих курсах я всегда рекомендую

¹⁶ При описании презенсов IV класса: «Alcune radici in *-m-* come *tam* “irrigidirsi”, *śram* “affaticarsi” mostrano il grado vṛddhi: *tāmyati*, *śrāmyati*” (‘Некоторые корни на *-m-*, такие как *tam* “напрягаться[, задыхаться, утомляться. — Л. К.]”, *śram* “утомляться[, усердно трудиться. — Л. К.]”, демонстрируют ступень чередования вриддхи: *tāmyati*, *śrāmyati*)” [Sani 2012: 78]. Отмечу, что в индийской традиции (в грамматике Панини) такие формы описываются иначе: предписывается удлинение корневого гласного, но не ступень вриддхи (сутра Pāṇ. 7.3.74: *śamām aṣṭānām dīrghaḥ śyāni* ‘у восьми [корней, начиная с] *śam*, перед [презентным суффиксом] *-ya-* [корневой гласный] — долгий’).

¹⁷ Обсуждению соотношения нулевых ступеней рядов с долгим назальным (N_2 и M_2) и их генезису посвящена довольно значительная литература. Предполагается, что первоначально нулевые ступени в позиции перед согласным были сходными, но до сих пор остается открытым вопрос, как именно они выглядели: *ā* в обоих случаях (как полагал Я. Вакернагель), или *ān* и *ām* соответственно (так считал, например, А. Мейе); еще одна точка зрения представлена Е. Куриловичем, который реконструировал нулевые ступени с краткими гласными (*an* и *am*) на основании форм типа *dhamyate* и *tanyati* ‘тремт’. См. краткий обзор и литературу в [Kulikov 2012: 5–6].

использовать именно схему А. А. Зализняка, которая позволяет компактно представить всю систему чередований в виде единственной таблицы на одну страницу и содержит всю необходимую информацию. С моей точки зрения, это самый точный, адекватный и **простой** способ подачи соответствующих сведений из грамматики санскрита, позволяющий безошибочно анализировать и образовывать санскритские формы¹⁸. Эта таблица — отправной момент для построения любой санскритской формы: с нее (точнее, с поиска нужной клетки в этой таблице) начинается синтез любого морфологического образования. Без использования информации, содержащейся в этой таблице, не построить ни одной санскритской формы, и с разъяснения этого факта должно начинаться изложение основ санскритской морфологии.

Возвращаясь к статье Е. А. Десницкой, приходится констатировать, что в результате недостаточной компетентности автора в той области, которой посвящена статья (т. е. в области санскритской грамматики), получился «критический обзор», критикующий, среди прочего, недостатки и ошибки, в которых можно упрекнуть самого автора статьи. В частности, автор, попутно перепутав несколько библиографических ссылок и приписав огрехи учебника В. А. Кочергиной грамматическому очерку А. А. Зализняка, рекомендует не пользоваться при изучении санскрита грамматикой [Зализняк 1978/1987] не в силу своих личных пристрастий¹⁹, а просто

¹⁸ Верно и обратное: мой собственный многолетний опыт преподавания санскрита студентам целого ряда университетов показывает, что нетвердое знание основ этой системы приводит к частым ошибкам как при порождении (синтезе), так и при анализе санскритских форм.

¹⁹ В конце концов, по какому учебнику или грамматике учить студентов — дело вкуса. Кто-то предпочитает, к примеру, учебник Карла Бюлера (1-е изд. [Bühler 1883]), многократно переиздававшийся и переведенный на другие языки, в том числе на английский (переработанный Э. Д. Перри [Perry 1885] и также выдержавший многочисленные переиздания), польский и русский (под редакцией Ф. И. Щербатского; по русскому переводу [Бюлер 1923] я учил санскрит у Татьяны Яковлевны Елизаренковой в 1980-е гг.), а кто-то — учебник Мадхава Дешпанде [Deshpande 1997/2007] или Адольфа Штенцлера [Stenzler 1868/1995], многократно перепечатававшийся в Германии, редактировавшийся такими выдающимися санскритологами, как Рихард Пишель, Карл Гельднер и Альбрехт Вецлер (начиная с 18-го изд. 1995 г.) и используемый

потому, что не понимает того, что написано в соответствующем разделе этой грамматики.

Увы, приходится признать, что, как было точно подмечено одним из участников обсуждения статьи Е. А. Десницкой в социальных сетях, «статья — симптом той болезни, которую она пытается диагностировать».

Воистину: *Medice, cura te ipsum!* — *Врачоу, исцѣлися самъ!* (Лк. 4:23).

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ACC — аккузатив; ACT — активный залог; AOR — аорист; DAT — датив; DU — двойственное число; IND — индикатив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; LOC — локатив; MED — медиальный залог; OPT — опатив; PART — причастие; PF — перфект; PL — множественное число; SG — единственное число; SUBJ — субъюнктив; VOC — вокатив.

Литература

- БАС — К. С. Горбачевич (гл. ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. I: *А—Бишь*. М.; СПб.: Наука, 2004.
- Бюлер 1923 — Г. И. Бюлер. Руководство к элементарному курсу санскритского языка. Стокгольм: Б. и., 1923.
- Волошина 2018 — О. А. Волошина. «Система этимологии» Ф. И. Буслаева, или о сравнении русских слов с санскритскими // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. Т. 4. № 273. С. 94–99.
- Десницкая 2020 — Е. А. Десницкая. Преподавание санскрита в современной России // *Asiatica: Труды по философии и культурам Востока*. 2020. Т. 14. № 2. С. 209–219.
- Зализняк 1975 — А. А. Зализняк. Морфонологическая классификация древнеиндийских глагольных корней // Т. Я. Елизаренкова (ред.). Очерки по фонологии восточных языков. М.: Наука, 1975. С. 59–85.
- Зализняк 1978/1987 — А. А. Зализняк. Грамматический очерк санскрита // В. А. Кочергина. Санскритско-русский словарь. М.: Русский язык, 1987. С. 785–895. (1-е изд. 1978.)
- Зализняк 2010 — А. А. Зализняк. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русский мир, 2010.
- Земская 2008 — Е. А. Земская. Мои учителя: из воспоминаний филолога // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 134–140.

во многих немецких университетах; в Лейденском университете уже много лет пользуются учебником Яна Гонды [Gonda 1966].

- Кочергина 1956 — В. А. Кочергина. Начальный курс санскрита. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956.
- Куликов 2014 — Л. И. Куликов. Общеиндоарийские сибиланты в Атахарваеде: заметки по ведийской диалектологии // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2014. Т. X. Ч. 1. С. 178–201.
- Лейтан 2011 — Э. Лейтан. Очередное переиздание Бюлеровского «Санскрита» на русском // *LiveJournal* (электронный ресурс). 14.06.2011. URL: <https://edgar-leitan.livejournal.com/149253.html> (дата обращения 25.02.2025).
- Марр 1933 — В. Б. Аптекарь (сост.). Вопросы языка в освещении яфетической теории: Избранные отрывки из работ акад. Н. Я. Марра. Л.: Государственная академия истории материальной культуры, 1933.
- Миронас 1960 — Р. П. Миронас. Рец. на: В. А. Кочергина. Начальный курс санскрита (Изд. АН СССР. М., 1956.) // *Kalbotyga*. 1960. Vol. 2. P. 195–198.
- Обсуждение 2022 — Обсуждение доклада Л. И. Куликова «Сталин и “курско-орловский диалект”: К истории одной лингвистической загадки» // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ). Серия III: Филология*. 2022. № 72. С. 149–169.
- Полиниченко 2012 — Д. Ю. Полиниченко. Неоязычество и любительская лингвистика в современной России // *Jazyk a kultura*. 2012. No. 12. P. 1–10.
- Ушаков 1935 — Д. Н. Ушаков (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. I: *А–Кюрины*. М.: Советская энциклопедия, 1935.
- Böhlingk, Roth 1868 [PW 6] — O. Böhlingk, R. Roth. *Sanskrit-Wörterbuch*. 6. Theil: *ya-va*. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1868.
- Brocquet 2016/2023 — S. Brocquet. *Grammaire élémentaire et pratique du sanskrit classique: avec exercices corrigés et textes expliqués*. (Langues et cultures anciennes 26.) 3e éd. Bruxelles: Éditions Safran, 2023. (2e éd. 2016.)
- Bühler 1883 — G. Bühler. *Leitfaden für den Elementarcursus des Sanskrit: mit Übungsstücken und zwei Glossaren*. Wien: Carl Konegen, 1883.
- Chafe 1964 — W. L. Chafe. Look at Siouan and Iroquoian // *American Anthropologist*. 1964. Vol. 66. No. 4. Pt. 1. P. 852–862.
- Coulson 1976 — M. Coulson. *Sanskrit*. London: Hodder and Stoughton, 1976.
- Deshpande 1997/2007 — M. M. Deshpande. *Saṃskṛtasubodhinī: A Sanskrit primer*. (Michigan Papers on South and Southeast Asia Studies 47.) 5th printing. Ann Arbor: University of Michigan, 2007. (1st printing 1997.)
- EWAia II — M. Mayrhofer. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Bd. II. Heidelberg: Winter, 1996.
- Genee 2003 — I. Genee. An Indo-Europeanist on the prairies: C. C. Uhlenbeck's work on Algonquian and Indo-European // H. C. Wolfart (ed.). *Papers*

- of the 34th Algonquian Conference: 2002, Kingston, Ontario. Winnipeg: University of Manitoba, 2003. P. 147–164.
- Gonda 1966 — J. Gonda. A concise elementary grammar of the Sanskrit language: with exercises, reading selections, and a glossary. Leiden: Brill, 1966.
- Kuiper 1987 — F. B. J. Kuiper. Rigvedic *súar* and *tvám* // Indo-Iranian Journal. Vol. 30. No. 1. P. 1–8.
- Kulikov 2012 — L. Kulikov. The Vedic -ya-presents: Passives and intransitivity in Old Indo-Aryan. (Leiden studies in Indo-European 19.) Amsterdam; New York: Rodopi, 2012.
- Kulikov 2017 — L. Kulikov. Review of: Saverio Sani, Grammatica sanscrita. 2nd ed. Pisa, Roma, 2012 // Journal of South Asian Languages and Linguistics. 2017. Vol. 4. No. 2. P. 311–313. DOI: <https://doi.org/10.1515/jsall-2017-0011>.
- Kümmel 2000 — M. J. Kümmel. Das Perfekt im Indoiranischen: eine Untersuchung der Form und Funktion einer ererbten Kategorie des Verbums und ihrer Weiterentwicklung in den altindoiranischen Sprachen. Wiesbaden: Reichert, 2000.
- Lipkind 1945 — W. Lipkind. Winnebago grammar. New York: King's Crown Press, 1945.
- LIV — H. Rix, M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer (Hrsg.). Lexikon der indogermanischen Verben: die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. 2. Auflage. Wiesbaden: Reichert, 2001.
- Lubotsky 1997 — A. Lubotsky. The Indo-Iranian reflexes of PIE *CRHUV // A. Lubotsky (ed.). Sound law and analogy: Papers in honor of Robert S. P. Beekes on the occasion of his 60th birthday. (Leiden studies in Indo-European 9.) Amsterdam: Rodopi, 1997. P. 139–154. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004658844_019.
- Maurer 1995 — W. H. Maurer. The Sanskrit language: An introductory grammar and reader. Richmond: Curzon Press, 1995.
- Mirzayan 2024 — A. Mirzayan. Sketch of the Siouan language family // C. Dagostino, M. Mithun, K. Rice (eds.). The languages and linguistics of indigenous North America: A comprehensive guide. Vol. 2. (The World of Linguistics 13.2.) Berlin: De Gruyter Mouton, 2024. P. 1447–1518. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110712742-056>.
- Perry 1885 — E. D. Perry. A Sanskrit primer: Based on the Leitfaden für den Elementar-Cursus des Sanskrit of professor Georg Bühler of Vienna. Boston: Ginn and Company, 1885.
- Sani 2012 — S. Sani. Grammatica sanscrita. (Orientamenti Linguistici 27.) II ed. Pisa; Roma: Fabrizio Serra editore, 2012.
- Stenzler 1868/1995 — A. F. Stenzler. Elementarbuch der Sanskrit-Sprache: Grammatik, Texte, Wörterbuch. Berlin: de Gruyter, 1995. (1. Auflage. Breslau: Mälzer, 1868.)

Uhlenbeck 1909 — C. C. Uhlenbeck. Grammaticische onderscheidingen in het Algonkisch, voornamelijk gedemonstreerd aan het Otchipwe-dialect // Verslagen en mededeelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen. Afdeeling Letterkunde. 4^e Reeks. 1909. Deel X. P. 20–39.

Источники

- Pāṇ. — O. Böhtlingk (Hrsg.). *Pāṇini's Grammatik (Aṣṭādhyāyī)*. Leipzig: Haessel, 1887.
- RV — B. A. van Nooten, G. B. Holland (eds.). *Rig Veda: A metrically restored text with an introduction and notes*. (Harvard Oriental Series 50.) Cambridge (MA): Harvard University Press, 1994.
- TS — A. Weber (Hrsg.). *Die Taittirīya-Saṃhitā*. (Indische Studien 11–12.) 2 Theile. Leipzig: Brockhaus, 1871–1872.

References

- BAS — K. S. Gorbachevich (ed.). *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka*. T. I: A—Bish' [Great academic dictionary of the Russian language. Vol. I: A—Bish']. Moscow; St. Petersburg: Nauka, 2004.
- Böhtlingk, Roth 1868 [PW 6] — O. Böhtlingk, R. Roth. *Sanskrit-Wörterbuch*. 6. Theil: *ya-va*. Sankt Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1868.
- Brocquet 2016/2023 — S. Brocquet. *Grammaire élémentaire et pratique du sanskrit classique : avec exercices corrigés et textes expliqués*. (Langues et cultures anciennes 26.) 3e éd. Bruxelles: Éditions Safran, 2023. (2e éd. 2016.)
- Bühler 1883 — G. Bühler. *Leitfaden für den Elementarcursus des Sanskrit: mit Übungsstücken und zwei Glossaren*. Wien: Konegen, 1883.
- Bühler 1923 — G. I. Bühler. *Rukovodstvo k elementarnomu kursu sanskritskogo yazyka* [Guide to the elementary course on the Sanskrit language]. Stockholm: S. n., 1923.
- Chafe 1964 — W. L. Chafe. Look at Siouan and Iroquoian. *American Anthropologist*. 1964. Vol. 66. No. 4. Pt. 1. P. 852–862.
- Coulson 1976 — M. Coulson. *Sanskrit*. London: Hodder and Stoughton, 1976.
- Deshpande 1997/2007 — M. M. Deshpande. *Śaṃskṛtasubodhinī: A Sanskrit primer*. (Michigan Papers on South and Southeast Asia Studies 47.) 5th printing. Ann Arbor: University of Michigan, 2007. (1st printing 1997.)
- Desnitskaya 2020 — E. A. Desnitskaya. *Prepodavanie sanskrita v sovremennoy Rossii* [Sanskrit instruction in modern Russia]. *Asiatica: Trudy po filosofii i kul'turam Vostoka*. 2020. Vol. 14. No. 2. P. 209–219.

- EWAia II — M. Mayrhofer. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Bd. II. Heidelberg: Winter, 1996.
- Genée 2003 — I. Genée. An Indo-Europeanist on the prairies: C. C. Uhlenbeck's work on Algonquian and Indo-European. H. C. Wolfart (ed.). *Papers of the 34th Algonquian Conference: 2002, Kingston, Ontario*. Winnipeg: University of Manitoba, 2003. P. 147–164.
- Gonda 1966 — J. Gonda. *A concise elementary grammar of the Sanskrit language: with exercises, reading selections, and a glossary*. Leiden: Brill, 1966.
- Kochergina 1956 — V. A. Kochergina. *Nachal'nyy kurs sanskrita* [Basic course on Sanskrit]. Moscow: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1956.
- Kuiper 1987 — F. B. J. Kuiper. Rigvedic *súar* and *tvám*. *Indo-Iranian Journal*. 1987. Vol. 30. No. 1. P. 1–8.
- Kulikov 2012 — L. Kulikov. *The Vedic -ya-presents: passives and intransitivity in Old Indo-Aryan*. (Leiden Studies in Indo-European 19.) Amsterdam: Rodopi, 2012.
- Kulikov 2014 — L. I. Kulikov. Obshcheindoiariyskiye sibilanty v Atharvavede: zametki po vediyskoy dialektologii [Common Indo-Aryan sibilants in the Atharvaveda: Notes on Vedic dialectology]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2014. Vol. X. Pt. 1. P. 178–201.
- Kulikov 2017 — L. Kulikov. Review of: Saverio Sani, *Grammatica sanscrita*. 2nd ed. Pisa, Roma, 2012. *Journal of South Asian Languages and Linguistics*. 2017. Vol. 4. No. 2. P. 311–313. DOI: <https://doi.org/10.1515/jsall-2017-0011>.
- Kümmel 2000 — M. J. Kümmel. *Das Perfekt im Indoiranischen: eine Untersuchung der Form und Funktion einer ererbten Kategorie des Verbums und ihrer Weiterentwicklung in den altindoiranischen Sprachen*. Wiesbaden: Reichert, 2000.
- Leytan 2011 — E. Leytan. Ocherednoe pereizdanie Byuleroovskogo “Sanskrita” na russkom [Yet another reprint of Bühler's “Sanskrit” in Russian]. *LiveJournal*. 14.06.2011. Available at: <https://edgar-leitan.livejournal.com/149253.html> (accessed on 25.02.2025).
- Lipkind 1945 — W. Lipkind. *Winnebago grammar*. New York: King's Crown Press, 1945.
- LIV — H. Rix, M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer (Hrsg.). *Lexikon der indogermanischen Verben: die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*. 2. Auflage. Wiesbaden: Reichert, 2001.
- Lubotsky 1997 — A. Lubotsky. The Indo-Iranian reflexes of PIE *CRHUV. A. Lubotsky (ed.). *Sound law and analogy: Papers in honor of Robert S. P. Beekes on the occasion of his 60th birthday*. (Leiden studies in Indo-European 9.) Amsterdam: Rodopi, 1997. P. 139–154. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004658844_019.
- Marr 1933 — Aptekar V. B. (comp.). *Voprosy yazyka v osveshchenii yafeticheskoy teorii: Izbrannye otryvki iz rabot akad. N. Ya. Marra* [Language issues in light of the Japhetic theory: Selected excerpts from the works of academician N. Ya. Marr]. Leningrad: State Academy of the History of Material Culture, 1933.

- Maurer 1995 — W. H. Maurer. *The Sanskrit language: An introductory grammar and reader*. Richmond: Curzon Press, 1995.
- Mironas 1960 — R. P. Mironas. Review of: V. A. Kochergina. *Nachalnyy kurs sanskrita* (Izd. AN SSSR. M., 1956.) [Basic course on Sanskrit (Press of the Academy of Sciences of the USSR. Moscow, 1956.)]. *Kalbotyra*. 1960. Vol. 2. P. 195–198.
- Mirzayan 2024 — A. Mirzayan. Sketch of the Siouan language family. C. Dagostino, M. Mithun, K. Rice (eds.). *The languages and linguistics of indigenous North America: A comprehensive guide*. Vol. 2. (The World of Linguistics 13.2.) Berlin: De Gruyter Mouton, 2024. P. 1447–1518. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110712742-056>.
- Obsuzhdenie 2022 — Obsuzhdenie doklada L. I. Kulikova «Stalin i “kursko-orlovskiy dialekt”: K istorii odnoy lingvisticheskoy zagadki» [Discussion of the talk by L. I. Kulikov “Stalin and the ‘Kursk-Oryol dialect’: On the history of a linguistic puzzle”]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta (PSTGU)*. Seriya III: Filologiya. 2022. No. 72. P. 149–169.
- Perry 1885 — E. D. Perry. *A Sanskrit primer: Based on the Leitfaden für den Elementar-Cursus des Sanskrit of Georg Bühler of Vienna*. Boston: Ginn and Company, 1885.
- Polinichenko 2012 — D. Yu. Polinichenko. Neoyazychestvo i lyubitelskaya lingvistika v sovremennoy Rossii [Neopaganism and amateur linguistics in modern Russia]. *Jazyk a kultura*. 2012. No. 12. P. 1–10.
- Sani 2012 — S. Sani. *Grammatica sanscrita*. II ed. (Orientamenti Linguistici 27.) Pisa; Roma: Fabrizio Serra editore, 2012.
- Stenzler 1868/1995 — A. F. Stenzler. *Elementarbuch der Sanskrit-Sprache: Grammatik, Texte, Wörterbuch*. Berlin: de Gruyter, 1995. (1. Auflage. Breslau: Mälzer, 1868.)
- Uhlenbeck 1909 — C. C. Uhlenbeck. Grammaticische onderscheidingen in het Algonkisch, voornamelijk gedemonstreerd aan het Otchipwe-dialect. *Verslagen en mededeelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen. Afdeling Letterkunde*. 4^e Reeks. 1909. Deel X. P. 20–39.
- Ushakov 1935 — D. N. Ushakov (ed.). *Tolkovyy slovar russkogo yazyka*. T. I: A—Kyuriny [Dictionary of the Russian language. Vol. I: A — Kyuriny]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1935.
- Voloshina 2018 — O. A. Voloshina. «Sistema etimologii» F. I. Buslayeva, ili o sravnenii russkikh slov s sanskritskimi [F. I. Buslaev’s “system of etymology”, or on the comparison of Russian and Sanskrit words]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. Vol. 4. No. 273. P. 94–99.
- Zaliznyak 1975 — A. A. Zaliznyak. Morfonologicheskaya klassifikaciya drevne-indijskikh glagol’nykh korney [A morphophonological classification of Old Indian verbal roots]. T. Ja. Elizarenkova (ed.). *Ocherki po fonologii vostochnykh yazykov* [Essays on the phonology of Oriental languages]. Moscow: Nauka, 1975. P. 59–85.

- Zaliznyak 1978/1987 — A. A. Zaliznyak. Grammaticheskiy ocherk sanskrita [A short grammar of Sanskrit]. V. A. Kochergina. *Sanskritsko-russkiy slovar'* [Sanskrit-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk, 1987. P. 785–895. (1st edn. 1978.)
- Zaliznyak 2010 — A. A. Zaliznyak. *Iz zametok o lyubitel'skoy lingvistike* [Notes on amateur linguistics]. Moscow: Russkiy mir, 2010.
- Zemskaya 2008 — E. A. Zemskaya. Moi uchitelya: iz vospominaniy filologa [My teachers: From the reminiscences of a linguist]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2008. No. 1. P. 134–140.

Получено/received 20.11.2024

Принято/accepted 23.05.2025